

О ВЛИЯНИИ ШИИТСКО-СУННИТСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА БЛИЖНЕВОСТОЧНУЮ СИТУАЦИЮ

А.А. Кузнецов

Московский государственный университет культуры и искусств. Московская область, 117587, г. Химки, ул. Библиотечная, д.5.

Статья посвящена межконфессиональным конфликтам в Ближневосточном регионе, происходящим на протяжении последних 30 лет. В качестве точки отсчёта данных конфликтов автор берёт исламскую революцию 1979 г. в Иране. В статье проводится:

– исследование различий между шиитской революционной доктриной Хомейни и суннитским (салафитским) фундаментализмом, являющимся официальной идеологией Саудовской Аравии;

– геополитический анализ ирано-иракской войны 1980–1988 гг., позиций сторон и внешних акторов (Саудовской Аравии и других монархий Персидского залива, США, Франции, ФРГ);

– детальное рассмотрение геополитической ситуации, явившейся результатом американской агрессии в Ирак в 2003 г. и демонтажа иракского государства;

– изучение обстоятельств парламентских выборов 2005 г. в Ираке, в результате которых к власти в стране пришло шиитское большинство, а также последовавшей за этим межконфессиональная гражданская война 2006–2009 гг.

Данные события рассматриваются как начало новой фазы суннитско-шиитского конфликта, являющегося отражением геостратегического соперничества в регионе Ирана и Саудовской Аравии. В качестве основных районов такого противостояния рассматриваются Ирак, Ливан и Сирия. В завершение статьи делается ряд выводов, имеющих прогностический характер.

Библиография статьи включает в себя научные исследования, газетные и журнальные статьи, материалы из Интернета на английском, французском, итальянском, арабском языках, посвящённые данной проблеме. В число научных исследований входят книги таких признанных зарубежных специалистов по данной проблеме, как Вали Реза Наср и Патрик Кокберн, не публиковавшиеся на русском языке.

Ключевые слова: суннизм, шиизм, исламский фундаментализм, геополитика, Исламская Республика Иран, Саудовская Аравия, межрелигиозные противоречия. .

Шиитско-суннитское противостояние, разворачивающееся на протяжении последних 30 лет в Ближневосточном регионе, выходит за пределы собственно конфессионального конфликта и приобретает все более ярко выраженный геополитический аспект. Толчком для обострения суннитско-шиитских противоречий, находившихся в «спящем состоянии» на протяжении большей части XX столетия, послужила исламская революция 1979 г. в Иране. Многие представители шиитской уммы в середине XX в. стали искренними сторонниками модернизации и секуляризма. Кроме того, в шиитской общине появилось много представителей левых взглядов. Левый дискурс обозначился даже в рамках исламской политической философии. В Иране его ярким представителем был Али Шариати (1933–1977 гг.).

Новые политические процессы в регионах Ближнего и Среднего Востока внушали им надежду на появление справедливого общества, где человек будет оцениваться в зависимости от его заслуг, а не от конфессиональной принадлежности. Активное участие представителей христианской общины в создании партии Баас (одним из её создателей был сирийский христианин Мишель Афляк) подпитывало эти надежды. Однако последующее развитие событий в арабских странах разочаровало шиитов. Американский исследователь шиитской проблемы Вали Реза Наср пишет в своей книге «Шиитское возрождение»: «Шиитские кровь, слёзы и богатство, отдаваемые во имя общеарабского дела, приветствовались, но равные права при этом не были предоставлены даже в оплату за жертвенность» [15, с.160].

Примером может служить Ирак в период правления Саддама Хусейна (1978–2003 гг.), где, несмотря на светский баасистский режим, шииты вновь оказались оттеснёнными от власти и контроля над экономическими процессами. Шииты не были представлены в спецслужбах и элитной Республиканской гвардии. Во время ирано-иракской войны Саддам не раз называл своих шиитских соотечественников «иранскими лакеями» и проводил чистки от них в рядах правящей партии. Беспощадным репрессиям подвергалось шиитское духовенство [15, с.172].

Победа исламской революции в Иране ознаменовала начало борьбы двух проектов исламского фундаментализма: суннитского и шиитского. В то же время суннитский фундаментализм 1970–1980-х гг. в большинстве стран Ближнего Востока был далёк от революционности. По мнению французского политолога Жюль Кеппеля, суннитские фундаменталисты, подпитывавшиеся идеологически и финансово Саудовской Аравией, стремились не к тому, чтобы ниспровергнуть прежнюю систему, но скорее к тому, чтобы «окрасить её в насыщенный зелёный цвет».

Шиитский проект Хомейни, напротив, был направлен на то, чтобы радикально переустроить иранское общество [2, с.55]. Кроме того, исламские революционеры Ирана с их ло-

зунгом защиты обездоленных (мостазеффин) уделяли значительное внимание социально-экономическим проблемам. Эти предпосылки создали основу для радикального раскола между консервативно-охранительным суннитским фундаментализмом, полюсом которого стала Саудовская Аравия, и революционным шиитским фундаментализмом, центром которого стал Иран.

Значительную роль в обострении саудовско-иранских противоречий сыграл и фактор внутривосточной стабильности в странах Персидского залива. У саудовского руководства появились опасения, что революционная волна из Ирана может распространиться среди шиитских общин стран Персидского залива и поставит под сомнение существование консервативных монархий в регионе. Эти опасения были не лишены оснований, так как шииты составляли в Ираке 65%, Бахрейне – 75%, в Кувейте – 30%, в Дубае – 30%, в Абу-Даби – 20% населения [1, с.287]. Проблемным было и остаётся положение шиитского меньшинства в самой Саудовской Аравии. Шиитская община Саудовской Аравии составляет, по разным данным, от 10 до 15% населения страны. Шииты населяют оазисы Катиф и эль-Хаса в Восточной провинции королевства, на территории которой сосредоточена большая часть саудовских нефтяных месторождений.

Примечательно, что шииты подвергаются на территории королевства явной дискриминации. Среди министров саудовского правительства нет ни одного шиита. Последователи этой конфессии не представлены на командных должностях в вооружённых силах и саудовских спецслужбах. В городах Восточной провинции нет ни одного шиита на постах мэра или начальника районной полиции. Среди 150 депутатов саудовского меджлиса (не являющегося полноправным парламентом, но выполняющего лишь консультативные функции при короле) было только четыре шиита [15, с.26–241]. Ситуацию усложняла и позиция высшего шиитского духовенства Ирана, которое в 1980 г. поставило под сомнение статус короля Саудовской Аравии как хранителя мусульманских святынь, заявив, что священные города Мекка и Медина должны принадлежать всем мусульманам [15, с.157].

Для нейтрализации Ирана саудитами был использован светский баасистский режим Саддама Хусейна. Иракское правительство, воспользовавшись сложной послереволюционной внутривосточной ситуацией в Иране и временным ослаблением иранских вооружённых сил, 22 сентября 1980 г. развязало агрессию против Исламской Республики. Её целью был «упреждающий удар» по новому исламистскому режиму в Тегеране, нанесённый из опасения, что новое иранское руководство станет поощрять исламскую революцию среди иракских шиитов. Для этого были объективные основания, так как в это время руководство ИРИ выдвинуло основополагающим тезисом своей внешней полити-

ки «экспорт исламской революции». Иракское руководство пользовалось военной помощью США и их союзников по НАТО (ФРГ и Франции), а также СССР и значительными финансовыми ресурсами консервативных монархий Персидского залива. Например, Саудовской Аравией Ираку была выделена кредитная линия в объёме 30 млрд долл. [1, с.236]. Позже, в 1990 г., после агрессии против Кувейта, именно саудовская элита стала главным противником режима С. Хусейна и способствовала его дальнейшему ослаблению и падению.

1990-е гг. были ознаменованы снижением напряжённости в ирано-саудовских отношениях. Этому способствовали визиты в Саудовскую Аравию в 1991 и 1998 гг. иранского министра иностранных дел Али Акбара Велаяти и президента ИРИ Мохаммеда Хатами, посещение саудовской делегацией во главе с принцем Саудом аль-Фейсалом сессии ОИК в Тегеране в 1997 г. Определённую роль в сближении сыграло также проявленное Ираном желание присоединиться к Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Ситуация вновь обострилась после американской агрессии в Ираке в 2003 г.

По существу, американская оккупация Ирака в 2003 г. явилась одним из важнейших факторов обострения суннитско-шиитских противоречий. В период диктатуры Саддама Хусейна (1968–2003 гг.) сунниты, составляющие 20% иракского населения, фактически доминировали в элите этой страны. Формально баасистский режим декларировал равенство всех народов и религиозных общин Ирака, а в составе руководства партии было несколько ярких представителей шиитской общины, какими были, например, министр нефти Саадун Хаммади и министр информации и культуры, бессменный *porte-parole* Саддама Хусейна Латиф Нуссейф Ясим.

Однако реальную политику в Ираке определяли не они, а армия и другие силовые структуры. В то же время среди руководителей вооружённых сил и спецслужб Ирака не было ни одного шиита. Кроме того, режим Саддама Хусейна был дискредитирован в глазах иракских шиитов жестоким подавлением восстания в южных провинциях Ирака (90 тыс. погибших) в 1991 г. и периодическими казнями наиболее харизматичных представителей шиитского духовенства. Так, в 1980 г. после зверских пыток был казнён аятолла Мухаммед Бакир ас-Садр, наиболее яркий представитель шиитского интеллектуального возрождения, автор книг «Фальсафатуна» («Наша философия») и «Иктисадуна» («Наша экономика») [6, с.78–120].

После захвата американцами Ирака в 2003 г. ими фактически были демонтированы государственные институты, сложившиеся в период правления партии Баас, что привело к вакууму власти в стране. Уже к весне 2004 г. в стране стал складываться широкий фронт антиамери-

канского сопротивления, в который входили как сунниты, так и шииты. Примером вооружённой антиамериканской борьбы суннитов Ирака является так называемый «Исламский эмират Фаллуджа», просуществовавший с апреля по ноябрь 2004 г. В то же время молодой харизматичный лидер Муктада ас-Садр возглавил летом 2004 г. сопротивление американским войскам, в ходе подавления которого американскими подразделениями был обстрелян культовый для иракских шиитов город Неджеф [8].

Для нейтрализации угрозы американскому военному присутствию в Ираке Вашингтон решил привлечь на свою сторону большинство иракского населения, наделив властью шиитов этой страны. В подготовке к проведению парламентских выборов 2005 г. руководитель временной американской администрации Пол Бремер активно сотрудничал с наиболее авторитетным шиитским богословом Ирака аятоллой Али аль-Систани. В условиях вакуума власти наиболее авторитетными фигурами в политической жизни Ирака стали представители высшего духовенства – великие аятоллы Али аль-Систани, Мухаммед Исхак аль-Файяд, Башир аль-Наджафи, Саид аль-Хаким. Не будучи проамерикански настроенными, они решили использовать уникальный шанс для создания первого в истории арабского шиитского государства. Аятолла А. аль-Систани предпринял все усилия для увеличения явки на парламентские выборы 2005 г. Например, он издал специальную фетву, осуждающую иракских шиитов, запрещавших своим женам голосовать на выборах [15, с.189–211].

На первых демократических парламентских выборах в Ираке в 2005 г. победу одержали связанные с Ираном шиитские религиозные партии. Представляется, что американцы недооценили возможности шиитских религиозных партий и их тесные связи с Ираном. Их фаворитом на выборах 2005 и 2010 гг. был лидер блока партий «Коалиция закона» Ийяд Аллауи, светский шиит, в прошлом являвшийся агентом спецслужб Саддама Хусейна, а в последнее время тесно связанный с ЦРУ США [9]. Однако политические возможности клерикальных партий «Да'ава» («Партия исламского призыва») и Высший совет исламской революции в Ираке оказались сильнее.

Другим тактическим ходом США в Ираке в 2004–2005 гг. явился перевод антиамериканского сопротивления в плоскость суннитско-шиитского противостояния. На это указывает, например, лёгкость, с которой в Ираке были развёрнуты ячейки террористической организации «Аль-Каида в Месопотамии» во главе с Мусабом аль-Заркауи. Выступая официально против американской оккупации, организация Заркауи на деле проводила террористическую деятельность, направленную не против оккупантов, а против шиитов. Например, 31 августа 2005 г. около миллиона шиитских паломников

собрались около гробницы Каземийа в Багдаде для того, чтобы почтить память похороненного здесь седьмого имама шиитов Мусы аль-Казема. Процессия верующих следовала по мосту через реку Тигр в Садр-Сити. В результате миномётной атаки, ответственность за которую взяла на себя «Аль-Каида в Месопотамии», погибло шестнадцать и было ранено несколько десятков человек. В толпе распространился слух о том, что среди шиитов находится террорист-самоубийца. В результате возникла паника и давка, в которой погибли около тысячи человек [15, с.287].

Результатом стала фактическая гражданская война в Ираке между суннитами и шиитами, продолжавшаяся с 2005 по 2008 г. Межобщинный конфликт привёл к радикализации политических партий и вооружённых группировок с обеих сторон. В ответ на волну террора шиитские вооружённые формирования, такие, как милиция Муктады ас-Садра или отряды «Бадр», проводили этнические чистки в некоторых регионах Ирака. Например, в столице страны – Багдаде, где до 2003 г. шииты и сунниты жили примерно в равных количествах, остались лишь незначительные суннитские анклав [20, с.90–120].

Выборы 2010 г. закрепили главенство шиитов в политической системе Ирака. В ходе выборов значительное число голосов удалось набрать политическому блоку Коалиция закона, который возглавляет нынешний премьер-министр Ирака Нури аль-Малики. Основу коалиции Малики составляет умеренная шиитская религиозная партия "Да'ава" ("Призыв") [11]. Внутри расколотой шиитской общины блоку Малики противостоял обновленный Иракский национальный альянс (ИНА), в состав которого входят Высший исламский совет Ирака, Садристское движение, Национал-реформистское движение, Партия центра. Высший исламский совет выражает мнение шиитского духовенства Ирака. Его негласным патроном является аятолла Систани, имеющий прочные связи с высшим духовенством Ирана. Возглавляет эту клерикальную партию Аммар аль-Хаким, племянник убитого в 2003 г. великого аятоллы Ирака Бакира аль-Хакима [11]. Как Партия исламского призыва («Да'ава»), так и Высший исламский совет (бывший Высший совет исламской революции в Ираке) с 1980-х гг. тесно связаны с высшим духовенством и правящей элитой ИРИ. Братья аль-Хакимы в годы правления Хусейна проживали в Тегеране и активно участвовали в оппозиционной деятельности против его режима, а Н. аль-Малики проживал в Дамаске у главного союзника исламского Ирана – Х. Асада [10].

Ещё теснее связан с Ираном молодой харизматичный лидер шиитов Ирака Муктада ас-Садр. Движение Муктады ас-Садра выражает интересы наиболее обездоленных слоёв шиитской общины, населяющих так называемую "красную зону" Багдада (другое название – Садр-Сити). Руководимые им вооружённые отряды в

2004–2008 гг. принимали участие в вооружённой борьбе как против американских оккупантов, так и против различных суннитских группировок. Программные установки партии совмещают в себе религиозные и левые идеи. О степени влияния Ирана на этого клерикала говорит то, что именно благодаря давлению со стороны Тегерана он пошёл на создание коалиции со своим старым политическим врагом Малики. В "обработке" М. ас-Садра по налаживанию диалога и созданию коалиции с Малики приняли участие духовный наставник Садр аятолла Казем аль-Хаери, командующий отрядами "аль-Кудс" Корпуса стражей исламской революции генерал Касим Сулеймани, а также лидер ливанской партии Хесболла шейх Хасан Насралла [4].

Несмотря на временную стабилизацию 2009–2012 гг. и создание новых институтов власти положение в Ираке продолжает оставаться напряжённым. Правительство Нури аль-Малики так и не смогло полноценно интегрировать суннитскую общину в политическую и экономическую жизнь страны. В стране наблюдается глубокий раскол между шиитскими и суннитскими элитами. Это подтверждает, в частности, бегство в Турцию в декабре 2012 г. вице-президента Ирака Тарика аль-Хашими, обвинённого Н.аль-Малики в «терроризме». В стране нарастает волна террора. Только в июле 2013 г. в Ираке в результате терактов погибло около 300 человек. По мнению одного из лучших британских специалистов по Ираку, Патрика Кокберна, «шииты в Ираке обрели власть, но не контроль над ситуацией» [4].

Иракские шиитские политические партии и группировки далеко не во всём следуют указаниям Тегерана. Так, например, аятолла Систани с самого начала отверг иранский принцип организации политической системы вelayat-э-факих, согласно которому власть должна быть сосредоточена в руках высшего шиитского духовенства. Можно согласиться с американским исследователем Вали Реза Насром в том, что политизированные иракские шииты воспринимают Иран в лучшем случае как старшего брата, но не в качестве «строгого отца», а уж тем более хозяина [15, с.184]. Несмотря на это, сильное иранское политическое влияние в современном Иране является неоспоримым фактором.

Следует отметить, что руководство США с самого начала иракской операции совершило стратегическую ошибку (с точки зрения долгосрочных интересов США). Американцы вовремя не спрогнозировали усиление иранского фактора в регионе после падения светского баасистского режима Саддама Хусейна. Для того чтобы сохранять контроль над шиитским фактором, им было необходимо либо поддерживать саддамовский Ирак, который пусть в слабом и урезанном виде представлял собой барьер на пути иранского влияния в Ближневосточном регионе, либо с самого начала договариваться с Тегераном о разграничении сфер влияния.

Усиление иранского влияния в Ираке сопровождалось интенсификацией партнёрских связей Исламской Республики с Сирией. Альянс Дамаска и Тегерана, несмотря на близость алавитского вероучения к шиизму, был продиктован не религиозной солидарностью, а требованиями геополитической целесообразности. Для Тегерана он был залогом распространения иранского влияния в арабском мире и возможностью создания тылового плацдарма для проиранского движения Хесболла в Ливане. Желание Дамаска установить союзные отношения с Ираном были продиктованы тремя факторами:

– во-первых, в условиях жёсткого противостояния режима Асада суннитским исламским фундаменталистам внутри страны для баасистов было необходимо заручиться поддержкой шиитского фундаменталистского режима в Тегеране, чтобы избежать обвинений в куфре и отступничестве;

– во-вторых, шиитское движение Хесболла стало главным союзником Дамаска в деле приобретения господства над Ливаном;

– в-третьих, оба государства сближали враждебные отношения с саддамовским Ираком. Иран с сентября 1980 г. находился с Ираком в условиях открытой ожесточённой войны. Дамаск и Багдад, несмотря на нахождение у власти региональных отделений партии Баас, находились начиная с 1979 г. в состоянии непримиримой конфронтации. Таким образом, сирийско-иранский союз с 1980 г. охватывал враждебный Ирак с двух флангов [18, с. 351–366]. К 2005 г. наметилась перспектива создания так называемого «шиитского полумесяца» в составе Ирана, Ирака, Сирии и Ливана. Первый раз термин «шиитский полумесяц» был озвучен королём Иордании Абдаллой в интервью газете «Вашингтон пост». Абдалла при этом заявил, что складывающаяся геополитическая конфигурация дестабилизирует страну Персидского залива. «Даже Саудовская Аравия не имеет от этого иммунитета», – отметил король [19]. Представляется неслучайным, что тезис о шиитской угрозе был озвучен главой государства, являющимся одним из наиболее последовательных союзников Вашингтона. Кроме того, король Абдалла является потомком рода Хашимитов, претендуя таким образом на генетическое преемство лидера суннитской ортодоксии.

Ответом саудовского истеблишмента на «иранскую угрозу» стала нарастающая поддержка салафитских организаций экстремистского и террористического характера, прежде всего в Ливане и в Сирии. В Ливане противодействие иранским союзникам из движения Хесболла и Коалиции 8 марта идёт по линии оказания помощи, с одной стороны, саудовскому ставленнику Сааду Харири и возглавляемой им партией Коалиции 14 марта, с другой стороны, экстремистским группировкам ваххабитской направленности. Как правило, в участники этих группировок рекрутируется молодёжь из

палестинских лагерей беженцев или из Аккра, беднейшего суннитского региона на севере Ливана. Эти группы состоят из ограниченного количества боевиков (10–20 человек). Действуют они достаточно автономно, поэтому разоблачение одной из них не ведёт к блокированию деятельности других. Результатом стало проведение в Ливане в 2013 г. нескольких масштабных террористических актов.

В августе произошёл взрыв в Дахие, в результате которого погибли 27 человек. Затем в конце того же месяца два крупных теракта произошли в Триполи (погибли 50 человек). Тогда взрывные устройства сработали около салафитских мечетей в этом ливанском городе. Хотя руководство Хесболлы дистанцировалось от данной акции, тем не менее есть основания полагать, что она была актом мести за взрыв в Дахие. 19 ноября 2013 г. масштабный террористический акт был предпринят салафитами против иранского посольства в Бейруте. В результате всех четырёх терактов в Ливане, где официально не ведутся боевые действия, погибло около 100 человек. Впрочем, отсчёт начала террористической активности можно начинать с октября прошлого года, когда в результате взрыва погиб руководитель одной из ливанских спецслужб генерал Виссам аль-Хасан, близкий к клану Харири. Генерал Виссам аль-Хасан считался одним из наиболее активных операторов саудовских спецслужб на сирийском направлении, оказывавшим помощь антиасадовским боевикам в Сирии [13].

Ситуация в Ливане особенно обострилась после вмешательства Хесболлы в гражданскую войну в Сирии на стороне правительства Асада. При этом руководство Хесболлы приняло решение о таком вмешательстве, чтобы оградить территорию самого Ливана от проникновения джихадистов и исламских экстремистов. Лидер движения шейх Хасан Насралла не раз заявлял о том, что дальнейшее распространение сирийских боевиков на ливанскую территорию могло бы привести к возникновению полномасштабного вооружённого конфликта уже в самом Ливане, учитывая враждебность джихадистов к силам, поддерживающим Асада, шиитам и христианам. Кроме того, по сообщению суннитского шейха Малека Шаара, вмешаться в сирийские дела Насраллу побудила также дошедшая до него информация о жестокостях, осуществляемых джихадистами по отношению к шиитам и алавитам [13]. Было бы опрометчиво утверждать, что деятельность «Аль-Каиды» контролируется или направляется саудовской элитой, но то, что эта радикальная организация инфильтрована агентурой саудовских спецслужб, часто использующих террористов для своих целей, не подлежит сомнению.

Другим действенным ударом по усилению иранского влияния в регионе стали меры по дестабилизации внутривосточной ситуации в Сирии, проводимые Саудовской Аравией и Ка-

таром. Рассмотрение причин внутрисирийского конфликта далеко выходит за рамки данной статьи. Решающую роль здесь сыграли кризис правления режима Башара Асада и неолиберальные реформы, способствовавшие пауперизации значительных масс населения. Просчёты сирийского руководства были в полной мере использованы внешними противниками Сирии, прежде всего США, Саудовской Аравией и Катаром. Правящие элиты консервативных монархий Персидского залива не скрывают, что участвуют в финансировании и вооружении антиправительственных вооружённых формирований. Одним из основных факторов, побуждающих государства залива проводить подрывные акции против Сирии, является желание разорвать сирийско-иранский альянс. Весной 2011 г. один из высших чиновников Саудовской Аравии в беседе с шефом администрации бывшего американского вице-президента Дика Чейни Джоном Ханной выразил уверенность, что смена режима в Сирии будет чрезвычайно благотворной для Саудовской Аравии. Он сказал следующее: «Король знает, что ничто, кроме краха самой Исламской Республики, не может ослабить Иран сильнее, чем потеря Сирии» [5].

Вплоть до осени 2013 г. позиции монархий Персидского залива по сирийскому вопросу вполне совпадали с интересами США. Анализ этих подходов содержался в статье Джорджа Фридмана «Сирия, Иран и баланс силы на Ближнем Востоке». Учитывая то, что возглавляемую Фридманом организацию STRATFOR часто называют «теневым ЦРУ», данная статья представляет собой не просто мнение эксперта. В статье выражалось опасение «массивным сдвигом в балансе сил в регионе после вывода американских войск, в результате чего Иран превратится из маргинальной страны в сверхдержаву». Фридманом были проанализированы причины ирано-сирийского стратегического партнёрства: «Иранский исламистский режим дал светскому сирийскому режиму иммунитет от шиитского фундаментализма в Ливане. Что ещё важнее, он предоставил ему поддержку в ливанских авантюрах и защиту от возможных протестов суннитского большинства в самой Сирии» [12].

В статье подчёркивается, что ирано-сирийский альянс приобрёл стабильные, долговременные на обозримую перспективу очертания. Отсюда делается вывод о том, что в случае политического выживания Асада (статья была написана, когда протестные выступления в Сирии уже были в самом разгаре) Иран выиграет от этого больше всего. Фридман писал: «Если Ирак попадёт под долговременное иранское влияние, а режим аль-Асада, изолированный от всего остального мира, но поддержанный Ираном, выживет, это позволит Тегерану подмять под себя сферу влияния, простирающуюся от Западного Афганистана до побережья Средиземного моря (через Сирию и владения Хесбол-

лы). Такая перспектива несёт в себе возможность развёртывания иранских вооружённых сил в западном направлении и имеет далеко идущие последствия». По мнению Фридмана, в таком случае иранская сфера влияния будет затрагивать северные границы Саудовской Аравии и Иордании, южные рубежи Турции. Иранская способность привести в этот регион значительные силы особенно увеличивает риски для Саудовской Аравии. Из этого, по убеждению Фридмана, следует, что Соединённые Штаты, Саудовская Аравия, Турция и Израиль должны сделать всё возможное для того, чтобы предотвратить такое развитие событий [12].

К похожему выводу пришёл и один из лоббистов Израиля в американском экспертном сообществе, Джеймс Рубин. По мнению Рубина, израильская элита не опасается того, что руководство ИРИ может отдать приказ о применении ядерного оружия против Израиля. В Тель-Авиве хорошо знают всю рациональность иранской внешнеполитической доктрины. Главным опасением Израиля является перспектива потери военно-стратегического превосходства. Обладание им ядерным оружием до сих пор служит сдерживающим фактором, предостерегающим региональных противников Израиля, в частности движение Хесболла от решительных действий. В случае утраты Израилем ядерной монополии вполне возможна ситуация развязывания войны арабскими противниками Израиля. Поскольку основным региональным противником Израиля является Хесболла, а стратегическим тылом Хесболлы – Сирия, то уничтожение сирийской военной мощи и политической субъектности представляются автору крайне важными для обеспечения безопасности Израиля. Хесболла, лишённая сирийской «стратегической глубины», будет вынуждена обороняться от своих многочисленных врагов в самом Ливане и не сможет представлять ощутимой угрозы для Израиля [17]. В определённой степени такое развитие событий можно наблюдать в последнее время в Ливане, где внутренний конфликт между шиитами и политизированными суннитами всё больше осложняет ситуацию для Хесболлы и её союзников.

Однако после урегулирования ситуации с химическим оружием Сирии в сентябре 2013 г. и особенно после достижения прорыва на переговорах по иранской ядерной проблеме в Женеве в конце ноября 2013 г. всё более явно просматриваются расхождения в подходах Вашингтона и Эр-Рияда к конфликтным ситуациям в Ближневосточном регионе. В настоящее время на дальнейшее развитие саудовско-американского партнёрства негативно действуют два фактора: поддержка Эр-Риядом нового военного правительства Египта во главе с генералом Абдель Фаттахом аль-Сисси и наметившийся прорыв в решении иранской ядерной проблемы и разблокирования американо-иранских отношений.

Следует отметить, что саудовская монархия в последние 20 лет находилась в явном противостоянии с движением «Братьев-мусульман», удерживавшим власть в Египте в 2012–2013 гг., не в последнюю очередь потому, что ячейки «Братьев» на территории самого королевства вели антиправительственную деятельность и были запрещены законом. Наибольшее беспокойство в Эр-Рияде вызывает перспектива прорыва в американо-иранских отношениях. Тегеран в настоящее время является главным стратегическим противником Саудовской Аравии. В Эр-Рияде обеспокоены перспективой превращения Персидского залива в «шиитское нефтяное озеро» и стараются не допустить ситуации, при которой Иран сможет диктовать консервативным арабским монархиям свою волю. Поэтому даже ослабление американского давления на Иран неблагоприятно для саудитов, не говоря уже о нормализации отношений между этими странами. Ещё в апреле 2013 г. король Абдалла передал президенту США Б. Обаме послание, в котором заявлял, что доверие к США на Ближнем Востоке будет подорвано, если американцы позволят правительству Башара Асада и Ирану выиграть битву за Сирию [7].

Важным индикатором саудовского недовольства по поводу возможного начала американо-иранских переговоров является статья Абдель Рахмана аль-Рашида в финансируемой саудовцами газете «Аш-Шарк аль-Аусат» (опубликована в октябре 2013 г.). Её автор – не только бывший главный редактор этой газеты, но и президент телекомпании «Аль-Арабия», рупора саудовской пропаганды в арабском мире, так что транслирует он отнюдь не только свою личную позицию. Аль-Рашид, в частности, отмечает: «То, что на самом деле беспокоит в речи Обамы на Генассамблее ООН – это его политический подход к Ирану. Обама заморожен посланиями нового иранского президента Хасана Роухани, который вдруг предстал миролюбивой личностью, представляющей американскому президенту возможность заключить политическую сделку столетия. В реальности иранцы на протяжении пятнадцати лет всегда выигрывали время. Иранцы нуждаются только в том, чтобы сделать ядерное оружие, и тогда игра будет окончена» [16].

В этой связи стоит обратить внимание и на заявления, которые прозвучали со стороны принца Валида бин Талала в его интервью для международного новостного агентства Bloomberg 22 ноября 2013 г. Принц Валид является одним из самых влиятельных лиц в бизнес-структурах и политической элите КСА. Представляя либеральное крыло в саудовском истеблишменте, он уже неоднократно давал интервью как арабским, так и европейским СМИ со своей оценкой текущих событий внутри Саудовской Аравии и в регионе. Причём многие его прогнозы были весьма оправданными и взвешенными, что даёт возможность прийти к выводу о наличии широкого спектра мнений в разных

кругах саудовской элиты по злободневным вопросам. Интересно отметить, что в последнее время некоторые члены королевской семьи аль-Саудов (например, принц Турки аль-Фейсал), которые не занимают государственных должностей, как правило, в неофициальном порядке часто озвучивают реальную позицию королевства по ряду ключевых мировых и региональных проблем. И на этот раз принц Валид высказался относительно его видения перспектив развития ситуация вокруг Ирана, а также состояния нынешних американо-саудовских отношений. Как и ранее это сделал принц Турки аль-Фейсал, он подверг критике политику сближения с Тегераном, которую избрал себе Вашингтон как «слабую», подчеркнув, что при нынешнем президенте «у США нет внешней политики – чётко определённой, хорошо структурированной, это только полный хаос, путаница». Он не скрывал, что основным раздражителем для Эр-Рияда стал отказ начать военную операцию в Сирии в обмен на согласие Башара Асада начать ликвидацию химического оружия, что, по его мнению, привело лишь к тому, что «война продолжилась, его иранские союзники взяли верх, а Барак Обама закрыл на всё глаза». Кроме того, он в очередной раз выступил с антииранских позиций, сказав вполне откровенно, что Саудовская Аравия рассматривает Исламскую Республику Иран как самую большую угрозу для арабского суннитского мира [14].

На серьёзные корректировки во внешнеполитических подходах Саудовской Аравии указывают также изменения в саудовской военной доктрине. Если раньше саудовская элита рассматривала США в качестве единственного гаранта своей безопасности, то сейчас ставка делается на создание собственных боеспособных соединений. Как утверждают западные военные источники, руководство КСА приступило к практической реализации своих планов по созданию собственного «иностранный легиона». Будущее военное формирование под названием «Армия Мухаммеда» должно будет взять на себя основные функции защиты стратегических интересов Саудовской Аравии за рубежом. Курируют создание нового подразделения лично руководитель Управления общей разведки (УОР) принц Бандар и заместитель министра обороны Салман бен Султан. Предполагается, что в формировании этого подразделения примут самое активное участие пакистанцы и египтяне. АРЕ и Пакистан в принципе рассматриваются сейчас Эр-Риядом как стратегические партнёры, на которых возлагаются особые надежды в случае возникновения внешних угроз. Набрать контингент будущей «Армии Мухаммеда» планируется из мусульман различных стран, но прежде всего из Йемена, Пакистана, Иордании и Египта, обучение и тренировки которых будут проводиться в основном в Иордании. Март 2016 г. рассматривается как срок окончательного формирования подразделений. Численность

«Армии Мухаммеда» может достигнуть 250 тыс. человек, или 50 бригад [3].

Последние тенденции развития ситуации на Ближнем Востоке позволяют сделать ряд выводов:

– во-первых, феномен «шиитского возрождения» способствовал усилению геополитического влияния Ирана в Ближневосточном регионе, особенно в странах, где имеются значительные шиитские общины (Ирак, Ливан). Крах светского националистического режима Саддама Хусейна в Ираке усилил позиции ИРИ и сформировал предпосылки для создания «шиитского полумесяца» в составе Ирана, Ирака, Сирии и Ливана;

– во-вторых, подобная перспектива вызвала резкое противодействие со стороны Саудовской Аравии и других консервативных монархий Персидского залива. При этом интересы данных государств по сдерживанию иранского влияния в некоторых аспектах совпадают с геополитическими проектами США. На сегодняшний день именно Саудовская Аравия, а не Израиль является главным стратегическим противником Ирана в регионе;

– в-третьих, одним из элементов разрыва цепи иранского влияния являются усилия Саудовской Аравии, Катара, США и их союзников по НАТО по свержению нынешнего сирийского режима. При этом сирийский внутривнутриполитический конфликт, начавшийся как движение за демократизацию, все больше приобретает черты межконфессионального противостояния. Ударной силой противостояния режиму Асада становятся исламские радикалы из движения «Братья-мусульмане» или салафиты-такфиристы;

– в-четвёртых, геополитическое положение Ирана в регионе осложняется после событий «арабской весны», несмотря на официальную позитивную реакцию Ирана на смену власти в ряде арабских стран. Если раньше шиитскому революционному проекту Ирана противостояли теряющие популярность консервативные монархии и светские геронтократические режи-

мы, то сейчас им на смену приходят суннитские исламисты, имеющие свой альтернативный политический проект;

– в-пятых, смена политических режимов на Ближнем Востоке привела к появлению значительных разногласий между США и одним из их основных партнёров (наряду с Израилем и Турцией) – Саудовской Аравией. Пока неясно, насколько долгосрочным является этот тренд. Однако стратегические интересы Вашингтона в настоящее время не исключают прекращения прямой конфронтации с Ираном и ослабления внимания к интересам монархий Персидского залива.

Процесс нормализации американо-иранских отношений, если он начнётся в ближайшее время, повлечёт за собой необратимые изменения для всего региона. В течение ближайших лет центр тяжести американской политики, судя по всему, будет смещаться с Ближнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион. Значение ближневосточных стран как поставщиков нефти в США уже сейчас сильно упало в связи с разработкой нефтяных месторождений в самих Соединённых Штатах. Если же в США действительно начнётся «сланцевая революция», то тогда у американцев в регионе, по существу, остаются три приоритета: обеспечение безопасности Израиля, контроль над Персидским заливом как источником нефти для Европы и Китая и контроль над Суэцким каналом как транзитным коридором для поставок этой нефти. Можно свернуть дорогу и обременительную конфронтацию с Ираном, учитывая, что у двух стран есть точки соприкосновения интересов в Афганистане и в Ираке. Конечно, и в этом случае Вашингтон не прекратит стратегию сдерживания Ирана, но будет делать это без лобовой конфронтации, используя не столько отжившие своё монархии, сколько разжигание суннитско-шиитских противоречий с опорой на политизированные суннитские исламистские движения.

Список литературы

1. Алиев А.А. «Национальное» и «религиозное» в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX веке. М.: ИНИОН, 2006.
2. Кеппель Ж. Джихад. М.: Республика, 2006.
3. Щегловин Ю.Б. О новой военной концепции Саудовской Аравии // <http://www.iimes.ru/?p=18744#more-18744> (дата последнего обращения: 21.09.2012).
4. Cockburn P. The Shia are in power in Iraq but not in control. // <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/the-shia-are-in-power-in-iraq--but-not-in-control-8523280.html> (дата последнего обращения: 21.09.2012).
5. Crooke A. The 'great game' in Syria. // http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MJ22Ak01.html (дата последнего обращения: 21.09.2012).
6. Dodge Toby. *Inventing Iraq: the failure of nation-building and a history denied*. New York: Columbia University Press, 2003.
7. Entous A., Malas N., Coker M. *Bandar aux americains: Je ne m'attends pas la victoire des rebelles sur le terrain dans l'immediat*. // <http://www.afrique-asie.fr/menu/actualite/6239-bandar-aux-americains-je-ne-m->

■ ПОЛИТОЛОГИЯ

- attends-pas-a-une-victoire-des-rebelles-sur-le-terrain-dans-l-immediat.html (дата последнего обращения: 21.10.2013).
8. Escobar P. The Islamic Emirate of Fallujah.// http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/FG15Ak01.html (дата последнего обращения: 21.09.2012).
 9. Escobar P. What's behind the new Iraq? // http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/GD08Ak04.html (дата последнего обращения: 21.09.2012).
 10. Escobar. And the winner is Muqtada. Asia Times 19.10.2010
 11. Felli C. Iraq: Quale sara il compromesso?// <http://www.eurasia-rivista.org/iraq-quale-sara-il-compromesso/4205/> (дата последнего обращения: 21.09.2012).
 12. Friedman G. Syria, Iran and the Balance of Power in the Middle East.//STRATFOR review 22.11.2011.
 13. Haddad S. Trois foyers favorable aux groups extremists au Liban.// <http://www.lorientlejour.com/article/844009/trois-foyers-favorables-aux-groupes-extremistes-au-liban.html#sthash.4SEhxmsv.dpuf> (дата последнего обращения: 25.11.2013).
 14. Iran is playing Obama, says Savvy Saudi Prince.// <http://www.bloomberg.com/news/2013-11-22/iran-is-playing-obama-says-savvy-saudi-prince.html> (дата последнего обращения: 25.12.2013).
 15. Nasr V.R. The Shia Revival. N.Y. Norton and Company, 2006.
 16. Rahman al-Rashed A. Are we seeing a new Obama?// <http://www.aawsat.net/2013/09/article55317774> (дата последнего обращения: 25.11.2013).
 17. Rubin J. The real reason to intervene in Syria.// http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/06/04/the_real_reason_to_intervene_in_syria?page=0,1 (дата последнего обращения: 25.11.2013).
 18. Seale P. Asad: The struggle for the Middle East. Berkeley. California University Press, 1997.
 19. Wright R., Baker P. Iraq, Jordan see threat to elections from Iran.//Washington Post, 08.12.2004.
 20. Patrick Cockburn. Muqtada al-Sadr. The Shia Revival and struggle for Iraq. London, Faber and Faber. 2010.

Об авторе

Кузнецов Александр Андреевич – к.полит.н., доцент, учёный секретарь Экспериментального учебно-научного центра «Сохранение истории». Автор монографии «Шиизм: от эмира правоверных до аятоллы Хомейни» (2013 г.). Научные интересы: исламоведение, геополитика Ближневосточного региона, элиты стран Ближневосточного региона. Электронная почта: samarkand4@yandex.ru

THE SUNNI-SHI'ITE RIVALRY AND ITS INFLUENCE ON THE GEOPOLITICAL SITUATION OF THE MIDDLE EAST

A.A. Kuznetsov

117587, Russia, Moscow region, Khimki, Bibliotechnaya str., 5.

Abstract: *The article "The Sunni-Shi'ite rivalry and its influence on the geopolitical situation of the Middle East" is dedicated to the sectarian conflicts in the Middle East region in last 30 years. Author considers the Islamic revolution of 1979 in Iran as the point of departure of this conflict. Author of the article makes a difference between the Shi'ite Islamic revolutionary doctrine of Khomeini and the Salafi Islamic fundamentalism of Saudi Arabia. Author realizes the analysis of the war between Iran and Iraq in 1980-1988. This analysis is emphasized on the regional geopolitical situation and positions of the outside actors (Saudi Arabia, USA, France, Germany). Then it is covered the American invasion of Iraq in 2003 and its geopolitical consequences. To the author's mind this aggression and further empowerment of the Shi'ite majority reduced to the civil war in Iraq and exacerbation of the sectarian conflict. Author of the article considers these events as a part of the geopolitical rivalry between Iran and Saudi Arabia to unfold in the areas of Iraq, Syria and Lebanon.*

Key words: Sunnism, Shi'ism, Islamic fundamentalism, geopolitics, Islamic Republic of Iran, Saudi Arabia, sectarian contradictions.

References

1. Aliev A.A. «National» and «religious» in the system of interstate relations between Iran and Iraq in the 20th century. Moscow. INION, 2006.
2. Keppele J. Jihad. Moscow. Respublika, 2006.

3. Scheglov Y.B. About the new military conception of the Saudi Arabia.// <http://www.iimes.ru/?p=18744#more-18744> (accessed 21.09.2012)
4. Cockburn P. The Shia are in power in Iraq but not in control.// <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/the-shia-are-in-power-in-iraq-but-not-in-control-8523280.html> (accessed 21.09.2012).
5. Crooke A. The 'great game' in Syria.//http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MJ22Ak01.html (accessed 21.09.2012).
6. Dodge Toby. *Inventing Iraq : the failure of nation-building and a history denied*. New York : Columbia University Press, 2003.
7. Entous A., Malas N., Coker M. Bandar aux americains: Je ne m'attends pas la victoire des rebelles sur le terrain dans l'immediat.//<http://www.afrique-asie.fr/menu/actualite/6239-bandar-aux-americains-je-ne-m-attends-pas-a-une-victoire-des-rebelles-sur-le-terrain-dans-l-immediat.html> (accessed 21.10.2013).
8. Escobar P. The Islamic Emirate of Fallujah.// http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/FG15Ak01.html (accessed 21.09.2012).
9. Escobar P. What's behind the new Iraq? //http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/GD08Ak04.html (accessed 21.09.2012).
10. Escobar. And the winner is Muqtada. *Asia Times* 19.10.2010.
11. Felli C. Iraq: Quale sara il compromesso?// <http://www.eurasia-rivista.org/iraq-quale-sara-il-compromesso/4205/> (accessed 21.09.2012).
12. Friedman G. Syria, Iran and the Balance of Power in the Middle East.//STRATFOR review 22.11.2011.
13. Haddad S. Trois foyers favorable aux groups extremists au Liban.// <http://www.lorientlejour.com/article/844009/trois-foyers-favorables-aux-groupes-extremistes-au-liban.html#sthash.4SEhxmsv.dpuf> (accessed 25.11.2013).
14. Iran is playing Obama, says Savvy Saudi Prince.// <http://www.bloomberg.com/news/2013-11-22/iran-is-playing-obama-says-savvy-saudi-prince.html> (accessed 25.12.2013).
15. Nasr V.R. *The Shia Revival*. N.Y. Norton and Company, 2006.
16. Rahman al-Rashed A. Are we seeing a new Obama?// <http://www.aawsat.net/2013/09/article55317774> (accessed 25.11.2013)
17. Rubin J. The real reason to intervene in Syria.// http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/06/04/the_real_reason_to_intervene_in_syria?page=0,1 (accessed 25.11.2013).
18. Seale P. *Asad: The struggle for the Middle East*. Berkeley. California University Press, 1997.
19. Wright R., Baker P. Iraq, Jordan see threat to elections from Iran.//*Washington Post*, 08.12.2004.
20. Patrick Cockburn. *Muqtada al-Sadr. The Shia Revival and struggle for Iraq*. London, Faber and Faber. 2010.

About the author

Alexander A. Kuznetsov – Candidat in Political Sciences, assistant professor of the Moscow University of the Culture and Arts. Author of the book "From Amir al-muminin to the ayatollah Khomeini" (2013). Sphere of the scientific interest: Islamic religion, geopolitics of the Middle East, elites of Iran and Arabic states.
E-mail: samarkand4@yandex.ru.